

ПЕТЕРБУРГСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ ФОРУМ

16–18 ИЮНЯ 2011

**ГЛОБАЛЬНЫЕ ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ТЕНДЕНЦИИ: НАСКОЛЬКО
УСТОЙЧИВО ЭКОНОМИЧЕСКОЕ РАЗВИТИЕ В АЗИИ?**

Обеспечение глобального экономического роста

17 июня 2011 г. — 12:00–13:15, Павильон 4, Зал 4.1, Арена

Санкт-Петербург

2011

В связи с тем, что последние два года Азиатско-Тихоокеанский регион является крупнейшим центром экономического роста, большинство рассчитывает на то, что данная тенденция сохранится и в обозримой перспективе. Тем не менее, сохранение и увеличение темпов экономического роста в АТР не следует рассматривать как данность.

Модератор:

Базил Мофта, Управляющий директор по глобальным развивающимся рынкам, Thomson Reuters

Выступающие:

Доминик Бартон, Управляющий директор, McKinsey & Company

Владислав Войцехович, Председатель правления, ICICI Bank Eurasia

Барри Зальцберг, Главный исполнительный директор, Deloitte Touche Tohmatsu Limited

Шив Викрам Кхемка, Заместитель председателя правления, SUN Group

Айвен Ритосса, Член исполнительного комитета, Глава глобальных рынков, АТР, Barclays Capital

Профессор Кей Си Чан, Секретарь по финансовым услугам и казначейству, Гонконг

Ху Шули, Главный редактор, CaiXin Media Company Ltd.

Б. Мофта:

Добрый день! Я рад приветствовать вас. Сегодня у нас собралась довольно представительная комиссия, поэтому обойдемся без предисловий. Мне бы хотелось сразу перейти к нашей теме.

Очевидно, что мы переживаем довольно интересное время. В последние дни внимание СМИ было сосредоточено, по понятным причинам, на Греции. Если же углубиться в экономические новости, то обнаружится, что в прессе также обсуждается замедление экономического роста в странах Азии и тот факт, что на фондовых рынках заканчивается семинедельный период спада.

Следовательно, вопрос стоит так: является ли Азия экономически устойчивым регионом? Удержит ли Азия свои позиции в мировой экономике? Присутствуем ли мы при начале замедления экономического роста в странах Азии, о чем уже говорилось, или Азия — это реальная сила, с которой нужно считаться?

Для начала я хочу задать первый вопрос Айвену Ритоссе, и звучит он так: «Насколько экономически устойчив азиатский рынок?»

А. Ритосса:

Благодарю Вас, Бэзил!

Полагаю, чтобы дать исчерпывающий ответ на данный вопрос, нужно сформулировать его чуть иначе: насколько устойчив экономический рост в Китае? По-моему, это и есть главная проблема, причем не только для экономического роста в странах Азии, но и для мирового экономического роста.

Если проанализировать мировой экономический рост за последнее десятилетие, треть его дал Китай. Если прибавить другие азиатские страны, получится, что более половины роста обеспечили страны Азии. Следовательно, Китай важен для экономического роста не только в странах Азии, но и, хочу заметить, во всем мире.

И сегодня эта тенденция в мировой экономике сильна как никогда. Можно спросить: почему Канада отделилась от США? Почему Бразилия отделилась от остальной Латинской Америки? Почему разделились Австралия и Новая Зеландия? Почему Германия фактически отмежевалась от остальной Европы? Или возьмем, например, Африку: лет восемь назад африканские страны просили о списании внешнего долга, а сегодня экономика этих стран растет быстрыми темпами. Ответ на эти вопросы заключается в том, что у этих стран есть то, в чем нуждается сегодня Китай: сырье, а в случае с Германией — машины и оборудование.

Если отвечать на вопрос, насколько устойчив экономический рост Китая, а, следовательно, и Азии... я часто бываю в Китае, и меня поражают масштабы изменений и показатели роста за такой короткий промежуток времени как последние пять–десять лет. И эти изменения касаются не только Пекина и Шанхая, как полагает большинство западных аналитиков. Эти изменения затронули всю страну.

Приведу несколько примеров того, что происходит сегодня в Китае. Там строятся новые железнодорожные пути протяженностью 33 тысячи километров. Объем инвестиций в железнодорожное строительство на сегодня составил 400 миллиардов долларов США. Кроме того, в Китае строится 315 миллионов квадратных метров жилой и коммерческой недвижимости. Сравните: это почти треть от общего количества торговых и жилых площадей в Москве. Китай также демонстрирует рост потребительского спроса. На сегодняшний день это самый большой автомобильный рынок в мире. В прошлом году китайцы купили 18 миллионов автомобилей — в два раза больше, чем жители США! Шанхай — крупнейший и наиболее загруженный морской порт в мире.

Такие вот примеры. В Китае работа кипит: это видно во время путешествий по стране. Повсюду высятся башенные краны, везде стройки. Строятся железнодорожные пути для высокоскоростных

электropоездов, автомобильные магистрали; возводятся дамбы, целые города и села.

По моему мнению, даже если в Китае вдруг перестанут приступать к новым стройкам, только завершение текущих строительных проектов позволит стране сохранить темпы экономического роста на ближайшие три–пять лет. Я нарисовал весьма упрощенную картину, но очевидно, что это дает естественный импульс экономическому росту в стране.

Тем не менее, существуют определенные риски, о которых мы должны знать. Эти риски вызваны двумя причинами, связанными с реакцией Китая на мировой финансовый кризис.

Первая причина заключается в том, что Китай принял ряд серьезных мер по налоговому стимулированию. Финансовая отдача от принятия данных мер составила 7% от ВВП Китая за двухлетний период. Денежная масса в Китае увеличилась на 80% в 2008–2009 годах — невероятный объем! Неудивительно, что при такой финансовой подпитке стала расти инфляция — риск номер один, по мнению Бэзила.

Следовательно, существуют две вещи, о которых мы, полагаю, должны знать. Первая — это желание Китая замедлить рост экономики. Налицо ревальвация китайского юаня, расходование финансовых резервов, рост процентных ставок. Главная же опасность состоит в том, что Китай переусердствует во всем этом. Таким образом, вместо плавного приземления мы получим жесткую посадку.

Как я уже говорил, это будет иметь серьезные последствия для самого Китая, а также для всей Азии и остального мира, если вспомнить, что из таких стран, как Австралия и Южная Корея, более четверти экспорта идет в Китай. Австралийский доллар сильно переоценен. Если в Китае все закончится «жесткой посадкой», у Австралии будут экономические проблемы. Это касается и США. Мы забываем, что

Китай является крупнейшим экспортным рынком для США. Следовательно, произойдет экономический спад в США.

Полагаю, что второй риск связан с неэффективным распределением ресурсов. Как известно, сферы кредитования и инвестиций в Китае регулируются правительством. За шесть лет банки увеличили объемы своих финансовых обязательств и доходов в четыре раза. За последнее десятилетие наблюдался рост инвестиций более чем на 10% в год.

Опасность заключается в неэффективном распределении ресурсов и неграмотных решениях в сфере кредитования. Она состоит в увеличении числа просроченных кредитов, что сильно замедляет рост экономики. Эта картина наблюдается уже сегодня, особенно в провинции. Как я уже упомянул, налицо также неэффективное распределение ресурсов. Существует спор по поводу того, является ли это утверждение справедливым только в отношении рынка недвижимости? Справедливо ли оно для сферы производства? Однако я не думаю, что «жесткая посадка» — это основной сценарий развития экономических событий в Китае. Полагаю, нам доведется увидеть, как темпы экономического роста понизятся с прошлогодних 10,5% до все еще высоких 8%. И все же, существуют риски, о которых следует помнить.

Б. Мофта:

Итак, давайте еще немного поговорим о Китае.

Шули, Ваша газета пишет о финансовых рынках в Китае. Вы согласны с предыдущим оратором? Существуют ли эти риски? Или, возможно, по Вашему мнению, есть какие-то другие?

Ху Шули:

Да, очевидно, рост китайской экономики замедляется, что, по-моему, хорошо для Китая. Темпы роста пошли на спад. Российские и

американские экономисты предсказывали появление рисков в следующие несколько лет и постоянно предупреждали об опасности «мыльных пузырей». Следовательно, снижение темпов экономического роста в Китае мы расцениваем как положительную тенденцию. И я не предвижу никакой «жесткой посадки». Я абсолютно уверена насчет долгосрочной перспективы, в основном потому, что если экономический рост окажется не столь стремительным, условия для развития реального сектора экономики, возможно, будут более благоприятными. Должна сказать, что сегодня я не собираюсь обсуждать цифры, но я очень хотела бы поговорить о том, что ожидает нас в результате снижения темпов экономического роста в Китае и почему я настолько уверена в своей правоте.

Здесь к тому же упомянули, что китайские рыночные реформы, по общему мнению, вызвали экономический рост в стране. В связи с этим я бы хотела высказать три мысли. Думаю, что причина, по которой экономический рост в Китае можно назвать устойчивым, заключается, во-первых, в том, что капитализм здесь начал развиваться гораздо позднее, чем в передовых странах. Несмотря на укоренившееся представление о Китае как о стране, где правят коммунисты, плановой экономике Китая всего лишь 20–25 лет от роду. До этого Китай пережил внутренние беспорядки, «культурную революцию», и в итоге открылся для рыночной экономики. Остатки капитализма не были полностью уничтожены в скоротечную эпоху плановой экономики. После того как правительство Китая официально разрешило заниматься бизнесом, капитализм ожил и начал борьбу за существование.

Вторая причина — свобода действий. Многие прекрасно знают, что китайцы не привыкли соблюдать законы своей страны. Одно из последствий этого — свобода действий, предоставленная компаниям и наемным рабочим. Правила можно менять. Нужно уметь

«крутиться»: действовать оперативно и вовремя приспосабливаться. Благодаря этому поднялись предприимчивые частники.

Третья причина — огромное желание китайцев улучшить условия своей жизни и труда. Это видно по тому, что выходцы из Китая ведут торговлю в Москве; по тому, что 500 миллионов жителей Китая перемещаются по стране в поисках лучшей жизни; по тому, что миллионы предприимчивых китайцев борются за место под солнцем и изобретают что-то новое.

Это лишь несколько факторов экономического роста в Китае, о которых, полагаю, я знаю не понаслышке. Однако в чем же заключается постоянно растущий риск? Поделюсь некоторыми соображениями.

Вот несколько оценочных высказываний, взятых из моих же комментариев. Я считаю, что экономический рост в Китае встречает те же проблемы, что и в других странах. Помимо инфляции и вмешательства со стороны государства, налицо конфликты и социальная нестабильность. Огромная пропасть лежит между богатыми и бедными, Востоком и Западом страны; есть разногласия, порой переходящие в противостояние и конфликты, между китайскими и зарубежными инвесторами. В довершение всего, существует государственная власть с обширной сферой интересов.

Во всем мире Китаю желают экономического роста, особенно в России, богатой природными ресурсами, в которых нуждается Китай. Почему же русским и китайцам нелегко продуктивно сотрудничать? И мой ответ: у русских и китайцев больше общих черт, чем различий.

Общие черты у китайцев и русских — это наследие коммунистического прошлого, недостаточная прозрачность, несоблюдение законодательства и коррупция. Я называю это остатками коммунизма: наши страны не гордятся ими и хотят от них избавиться. Поскольку нам хорошо известны проблемы друг друга, эти остатки становятся препятствием для сближения.

На этом все. Надеюсь, другие выступающие что-нибудь добавят к моим словам.

Б. Мофта:

Спасибо, Шули! Мне понравилось Ваше выступление. Я знал, что мы быстро перейдем к Китаю. Так и случилось. Итак, я обращаюсь к остальным участникам с вопросом: что вы думаете про другие азиатские рынки? Ведь Китай — это еще не вся Азия. Как насчет других стран? Шив, как по-Вашему, экономический рост в Индии устойчив? Похоже, что инфляция сейчас везде является проблемой.

Ш. В. Кхемка:

Согласен. Уровень инфляции в нашей стране вызывает у меня тревогу, а беспокойство насчет перегрева рынка обоснованно.

Впрочем, думаю, что Индию следует пока воспринимать как страну, в значительной мере самодостаточную. Индия — гигантский рынок сбыта для потребительских товаров. Ее вовлеченность в мировые экономические процессы до сих пор ограничена. Разумеется, за последние 20 лет, начиная с 1991 года, Индия стала гораздо более открытой для иностранных инвестиций и так далее. Однако пока что это преимущественно замкнутый рынок.

Каждый год в Индии прибавляется по 18–20 миллионов молодых людей, стремящихся пополнить ряды среднего класса, если определять его через доход на душу населения в стране и паритет покупательной способности. Эти люди создают внутренний спрос на индийские товары и услуги, и, по-моему, это двигает индийскую экономику.

Вывод таков: экономический рост в Индии получает импульс «снизу», а не «сверху». У нас много мелких предпринимателей, небольших компаний, которые открываются и участвуют в формировании национального благосостояния, не говоря уже о более крупных

индийских и зарубежных транснациональных компаниях или государственных организациях. Полагаю, в этом смысле перспективы развития Индии как сравнительно замкнутого рынка выглядят весьма захватывающими.

Хотя, полагаю, на этом пути могут наблюдаться и отрицательные тенденции, все же, если заглянуть чуточку дальше, сценарий экономического роста в Индии кажется вполне реалистичным, и к этому есть серьезные предпосылки.

Б. Мофта:

Спасибо. Позвольте, я подойду на минуту к Доминику и задам ему вопрос. Если бы Вы консультировали страны восточноазиатского региона по экономическим вопросам, что бы Вы им посоветовали изменить в экономической стратегии прямо сегодня? Греция, Япония — это все новые факторы. Как следует изменить экономическую стратегию с учетом этих факторов?

Д. Бартон:

Возможно, следует начать с парочки вводных предложений. Я полностью разделяю точку зрения уже выступивших сегодня ораторов. У меня большие ожидания от Азии — и от Китая, и от Индии, но также от Индонезии. Я только это и хотел добавить. Мы всегда забываем про Индонезию. Это страна с 240-миллионным населением, продемонстрировавшая замечательные темпы экономического роста за последние несколько лет. В то же время, Индонезия — величайшее экономическое чудо света, страна-загадка, и она доминирует в Ассоциации государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН).

Полагаю, урбанизация, о которой говорила Шули, сродни силе земного притяжения, с которой ничего нельзя поделать. Знаете ли вы, что 1,3 миллиона человек каждую неделю покидают сельскую местность и перебираются в города? Полагаю, остановить этот процесс почти

невозможно. Даже в Китае не смогли с этим справиться. Следовательно, надо считать, что это и есть движущая сила в данном случае.

Однако, возвращаясь к Вашему вопросу, я бы предложил две меры. Первая мера, полагаю, очевидна. Она заключается в том, чтобы страны Азии перешли от модели экономического роста, основанной на экспорте и привлечении инвестиций, к модели, в основе которой лежит потребительский спрос. Это жизненная необходимость для всех нас.

Считаю, что Китай старается неплохо. Потребление составляет примерно 35% в структуре китайского ВВП. Подъем его доли до 42% станет большим шагом вперед. Я весьма активно проталкивал бы идею повышения потребительского спроса.

По моему мнению, одна из ключевых составляющих повышения потребительского спроса — сфера услуг. Доля сферы услуг в ВВП стран Азии до смешного мала. Если бы я показал вам «Желтые страницы» Нью-Йорка, остров Манхэттен, и затем сравнил бы их с «Желтыми страницами» Пекина, Сеула или Джакарты, сравнение будет не в пользу последних. Сфера услуг там отсутствует как таковая.

Частично это связано с законодательными ограничениями. Любопытно, что в офисе мэра Пекина висела таблица, которая показывала, сколько времени нужно на открытие предприятия сферы услуг как субъекта малого и среднего бизнеса в Пекине и Сингапуре. Так вот, в Пекине на это потребовалось бы 36 дней, а в Сингапуре — всего лишь 5 дней. И нам нужно сосредоточиться на создании условий для появления таких вот малых предприятий по оказанию услуг населению, а не на тяжелой промышленности. Это становится очень важным.

Второй вопрос — создание и развитие инфраструктуры. За ближайшее десятилетие необходимо вложить 8 триллионов долларов США в инфраструктурные проекты в Азии. Но стоит отметить отличительную

особенность Азии: здесь неразвиты пенсионные фонды, источники долгосрочных вложений. Вкладчики, имеющие долгосрочные вложения, и азиатские фонды государственного имущества делают инвестиции за рубежом. Но они не инвестируют в экономику азиатских стран. Поэтому я рекомендовал бы привлечь дополнительные источники капитала. В наши дни нечасто советуют такое. Я бы также выступил за более продуманную, более независимую от банков систему, которая бы поощряла граждан вкладывать средства в основные инфраструктурные проекты, цель которых — улучшить состояние сферы услуг и сферы потребления и положительно повлиять на интеграцию в Азии.

Таким образом, подытоживая, можно сказать, что важны сфера услуг, современная инфраструктура и пенсионная реформа, а также, по моему мнению, большая свобода торговли внутри АСЕАН. Приведу пример: нетарифные барьеры для обмена товарами между Индонезией и Таиландом совершенно невероятны. Методы учета определенных товаров у них слегка различаются; полагаю, нужен прорыв в данном направлении, и тогда торговля пойдет. Уверен, это также положительно повлияет на ситуацию в экономике.

Б. Мофта:

Полагаю, раз уж мы задали вопрос по углублению рынка заемных средств, мне надо подойти к Айвену и спросить: это реально? Вы работаете в инвестиционной группе Barclays Capital и, похоже, часто бываете в Китае. Это хорошо. Однако вопрос стоит следующим образом: реально ли воплотить в жизнь предложение по углублению рынка заемных средств?

А. Ритосса:

Да, реально. Более того, это уже происходит. Я думаю, что это длительный процесс. Если проанализировать работу Центрального

банка Гонконга, можно убедиться, что они неплохо продвинулись. Если обратиться к результатам деятельности Центрального банка Сингапура (MAS), мы увидим, что они тоже сильно продвинулись. И я бы сказал, что начало торговли китайским юанем на финансовых рынках Гонконга и Сингапура также является признаком перемен и, следовательно, обещает рост ликвидности.

Посмотрите на Южную Корею или Тайвань: я бы не решился сказать, что это страны с развивающейся рыночной экономикой. Наоборот, я бы сказал, что это развитые страны с развитой рыночной экономикой, и я не вижу разницы между Южной Кореей, Тайванем и Японией. Итак, это страны с развитой промышленностью.

На другом конце этой шкалы находится Индонезия, которая до сих пор развивает свои финансовые рынки, и Таиланд: мы знаем, что там происходит, в чем заключаются вопросы. Затем идет Малайзия, которая стоит немного особняком, что довольно любопытно. Если посмотреть на положение Малайзии в 1996–1997 годах, перед началом финансового кризиса в Азии, и сейчас, то окажется, что Малайзии нужно хорошо постараться, чтобы нагнать эти страны.

Я бы также хотел кое-что добавить. Вы спросили меня про финансовые рынки. Я хотел бы сказать кое-что насчет торговли, которой коснулся Доминик. Очевидно, что нужно улучшать условия для ведения торговли между этими странами и взаимодействие между финансовыми рынками.

Следует помнить: азиатские страны часто воспринимают друг друга как самые настоящие конкуренты, и поэтому мы, естественно, наблюдаем сложности при ведении торговли и решении финансовых вопросов между этими странами. Думаю, это изменится со временем, но сегодня ситуация обстоит так.

Б. Мофта:

Профессор Чан, Гонконг — это образец для подражания в экономике? Мы рассуждаем об успехах Гонконга, поэтому вопрос: чему мы можем научиться у него? Чему можно научиться у развитых регионов Азии, позвольте спросить Вас?

Кей Си Чан:

Благодарю за предоставленное слово.

Гонконг — это уникальное место. Гонконг и Сингапур занимают особое положение среди других стран и регионов Азии из-за своей небольшой территории. Думаю, та модель развития, которую взяли за основу Гонконг и Сингапур, стала эталоном для остальных азиатских стран.

Если обратиться к развитым странам Азии, скажем, Южной Корее, Тайваню, Гонконгу, и, разумеется, Сингапуру, а также к Китаю, который относится к странам с развивающейся экономикой, — мы увидим, что каждая из экономик в прошлом следовала своим путем.

За последние 10 лет, особенно после финансового кризиса в Азии, наблюдалось сильное сближение путей и моделей экономического роста в этих странах. Если резюмировать происходящее, то, думаю, что пример Гонконга и Сингапура наглядно продемонстрировал значение открытости национальных рынков. Открытый рынок, ставший эталоном, задает тон экономическому развитию.

В Гонконге открытость необходима из-за маленькой территории. Нам приходится быть открытыми с каждым, быть открытыми для инвестиций из-за рубежа, иностранных компаний, приходящих на наш внутренний рынок. Эта вот открытость и сыграла на руку Гонконгу и Сингапуру. И сегодня мы уже видим, как другие страны стремятся перейти к модели экономического роста, основанной на открытости.

Даже Китай стремится к этому. С одной стороны, Китай можно назвать бюрократизированной и закрытой страной. Однако он признает значение открытого рынка.

Вчера мы слушали выступление Президента Российской Федерации, посвященное вступлению в ВТО. Китай осознал важность такого стратегического шага и вступил в ВТО несколько лет назад. Это способ дать толчок развитию промышленности и заставить свой рынок играть по международным правилам. Следовательно, членство в ВТО представляет большую важность.

Еще один момент, который бы я хотел затронуть: в Азии, даже в сравнительно небольших и более развитых странах, государство всегда играло первостепенную роль. В этом и заключается основное отличие азиатских стран от стран Запада. Народ азиатских стран искренне верит, что от государства многое зависит.

Конечно, в некоторых промышленно-развитых странах, таких как Южная Корея и даже Япония, государство играет существенную роль на начальном этапе экономического роста. Даже сегодня, полагаю, многие согласятся, что правительства азиатских стран действительно играют большую роль, а народы этих стран воспринимают это как должное.

Но зачастую экономические показатели действительно зависят от правильных решений правительства. Многие правительства азиатских стран взяли курс на большую открытость рынка и меньшее вмешательство в экономику. Уже сегодня видно, что власти учатся не вмешиваться в рыночные отношения. Однако они все еще играют большую роль, и такое положение вещей поддерживается народом.

Вы спросили, какие уроки развитые азиатские страны могут преподать странам с переходной экономикой. Мы видим, что азиатские страны, которые переходят от традиционной модели экономического роста к более современной модели, — Южная Корея, Китай — пробуют развивать сферу услуг. По-моему, эти перемены окажутся весьма серьезными, и, возможно, мы еще увидим, как эти рыночные реформы и приватизация, принесшие пользу в Азии, станут примером для других стран с переходной экономикой.

Что еще важнее, так это соблюдение государством финансовой дисциплины. Почти во всех азиатских странах мы видим хорошую бюджетную дисциплину. Правительства этих стран не хотят допустить дефицита бюджета. В прошлом капиталовложения осуществлялись за счет сбережений — как государственных, так и частных.

Для нас действительно важно, чтобы рыночные отношения развивались еще больше. Думаю, что когда-то люди полагались на свои сбережения, потому что финансовый рынок не был таким развитым. Поскольку сегодня мы движемся к более развитому финансовому рынку, эта традиция может исчезнуть. При этом соблюдение финансовой дисциплины весьма важно для азиатских стран. На этом я закончу свое выступление.

Б. Мофта:

Благодарю за выступление! Шули, полагаю, что должен опять обратиться к Вам.

С точки зрения Китая, Гонконг видится именно так, как описывал профессор Чан? Вы согласны с его мнением? Или, может быть, дело обстоит несколько иначе?

Ху Шули:

Я согласна с тем, что сказал профессор Чан. Остальному Китаю нужно многому научиться у Гонконга, особенно если речь идет о соблюдении законов.

Мне кажется, Китай заимствует много отрицательного. Оно как бы прилагается к экономическому росту. Это черты, свойственные ранней стадии капитализма или, иначе говоря, зарождающейся рыночной экономике. Для поддержания темпов экономического роста и развития в течение длительного времени Китаю нужно научиться у Гонконга гораздо более строгому соблюдению законов в условиях рыночной экономики. В этом заключается основная задача Китая.

Б. Мофта:

Отличное предложение, благодарю Вас!

Обычно считается, что только развитые страны могут чему-то научить страны развивающиеся. Мы всегда спрашиваем: чему можно научиться у Гонконга, Японии и других?

Я бы хотел поставить вопрос наоборот. Чему нас учат развивающиеся страны? Мне кажется, Барри, Ваши компании сосредоточились на Индии, не так ли? Чему Вас там научили? Чему научила Ваши компании эта страна?

Б. Зальцберг:

Вы совершенно правы! За последние несколько лет мы сделали значительные инвестиции в экономику Индии — инвестиции не только туда, но и во все страны с переходной экономикой — и продолжим их делать.

Возвращаясь к предыдущим высказываниям, я бы хотел сказать, что наш настрой на следующие несколько лет — положительный. Но вернемся к нашему вопросу: вспомним про Индию, про уроки, которые нам может преподнести эта страна. Чему же мы можем научиться? Каковы причины того, что Индия добилась экономических успехов, являясь лидером среди поставщиков профессиональных услуг? Думаю, этому было пять причин.

Во-первых, культура предпринимательства, которая развилась в Индии. Есть много примеров того, как успешно работает легендарная индийская трудовая этика в сочетании с развитием перспективных отраслей и курсом на региональное лидерство,двигающим вперед производственную культуру и способствующим инновациям.

С моей точки зрения, интересно то, что Индия все больше превращается в страну с развитыми потребностями. Это касается не только развития инноваций внутри страны. Речь идет также об

импорте инноваций для последующего налаживания производства внутри страны.

Вот хороший пример: в прошлом месяце компания Intel Capital объявила о запуске инвестиционного проекта стоимостью несколько сотен миллионов долларов США с целью внедрения технологических инноваций в производство внутри Индии. Это отличный пример инноваций нужного уровня. С нашей точки зрения, это немаловажное событие, и мы рассчитываем именно на такие проекты.

Вторая причина — прочность двух отраслей экономики, к которым государство относится с особым вниманием. Доминик, ранее Вы упомянули про сферу услуг в странах Азии вообще. Если же посмотреть на Индию, то окажется, что эта отрасль составляет основу экономики страны. Если не ошибаюсь, 66% ВВП Индии приходится на долю сферы услуг. И государство оказывает этой сфере большой внимание.

Развитие информационных технологий в Индии — уникальный пример, так как это произошло в важной, но все же развивающейся стране с преимущественно бедным населением. Это поразительный урок, который следует усвоить. Итак, сфера услуг.

Промышленность — другая важнейшая отрасль экономики. Она занимает второе место в мире по уровню конкурентоспособности. Ученые, инженеры, исследователи обеспечивают инновации в данной сфере, хотя это все-таки классическая промышленность. Эти две отрасли прочно стоят на ногах и пользуются вниманием со стороны государства. Вот еще один урок, который стоит усвоить.

Третья причина — это таланты. В Индии много очень талантливой, образованной молодежи, говорящей по-английски. Количество талантливой, образованной, профессиональной молодежи в Индии весьма велико. И поэтому мы переходим к четвертой причине.

Вот она: средний возраст индийского населения составляет 25 лет. Сравните этот показатель с цифрами для Японии (43 года) и США (36

лет) — и оцените его значение для экономики. Сегодня трудоспособное население Индии растет быстрее, чем население страны в целом. И, по-моему, это важно для тех уроков, которые следует извлечь из текущей экономической ситуации в Индии.

Наконец, последняя причина — возможность организации полного производственного цикла внутри страны: от идеи и инженерного проекта до выпуска готовой продукции. Именно по этим причинам произошло то, что можно считать уже свершившимся фактом: компания Deloitte вложила немалые средства в экономику Индии.

Сегодня штат нашей компании насчитывает 15 тысяч человек. А начиналось все с небольшого коллектива, который образовался несколько лет назад. Как мы ожидаем сегодня, увеличение штата компании составит 20% в ближайшие год или два. Поскольку мы работаем в сфере услуг, все вышеуказанное создает для нас благоприятные возможности.

Мы будем вкладывать значительные средства в экономику Индии, и перечисленные мною качества, или факторы успеха, если хотите, являются уроком Индии для других стран.

Б. Мофта:

Раз мы говорим об Индии, то прошу прощения, Шив, но я не отстану от Вас. Поскольку Ваш возраст в два раза больше среднего возраста для Индии, я хочу спросить Вас вот о чем. Судя по тому, как другие описывают Индию, Ваш путь в бизнесе и путь Вашей компании стали результатом воздействия названных выше факторов. Как по-Вашему, это похоже на правду, или же есть другие причины, которые нужно озвучить?

Ш. В. Кхемка:

Знаете, я действительно довольно пожилой человек по индийским меркам.

Я думаю, что культура предпринимательства в Индии точно есть, и наша компания, в некотором роде, тому подтверждение. Наш бизнес возник в Индии, прошел через взлеты и падения, стал частью международного бизнеса, затем компанию национализировали в 1950–х годах, затем мы ее реорганизовали и в 1958 году начали работать с Россией.

Я живу в России. Мой отец не желал, чтобы я повредил нашему бизнесу в Индии, поэтому послал меня в Россию. Я перебрался сюда в 1990 году и живу здесь уже 20 лет. Итак, культура предпринимательства, я уверен, в Индии действительно существует, и, по-моему, это одна из наших сильных сторон.

В то же время, эта черта, возможно, есть у каждого азиата. Думаю, что в Азии это встречается часто. Думаю, что мы многому научились у США, так как в культуре предпринимательства тон задает Америка.

Я бы даже сказал, что количество талантов — более насущный вопрос. Хотя есть множество образованных людей с хорошим образованием, которые приходят в экономику, они сталкиваются с большими сложностями и рисками. Если взять ближайшие 20–30 лет, нам придется дать адекватное образование большому числу людей. Это немалая проблема, ибо нам нужно ориентироваться не только на внутренний рынок труда, но и на международный, с учетом нынешней демографической ситуации в мире. Чтобы справиться с этой задачей, полагаю, нам нужно полностью реформировать систему образования: переписать учебные планы, пересмотреть методики преподавания. Я считаю, что это и есть один из главных факторов риска для Индии. Если же мы не примем нужных мер, то не только упустим потенциально огромную выгоду, но и обязательно столкнемся с очень серьезными проблемами в будущем.

В. Войцехович:

Я также хотел бы внести свою лепту в нашу дискуссию.

Б. Мофта:

Да, пожалуйста!

В. Войцехович:

Возвращаясь к Вашему вопросу, Базил, переформулирую его заново. Чему учатся страны с переходной экономикой у стран с развитой экономикой?

Думаю, что самый важный урок касается того, чего не надо делать, и речь здесь идет о том, чтобы не погрязнуть в спорах об антикризисных мерах. Помните правило: не передавать решение экономических проблем своим последователям, то есть следующей законно избранной власти. Я считаю, что это ключевой момент.

Переформулирую другую проблему, скажу, что законодатели, особенно в Индии, добились большого успеха в плане законодательного регулирования финансового сектора. Они установили контроль за денежными поступлениями компаний — так, чтобы те не могли вывести спекулятивный капитал за границу.

Далее, выскажусь по поводу сравнительной замкнутости индийской экономики. Как иностранцу, который иногда бывает в Индии, мне кажется, что среди жителей этой страны есть единодушие по поводу представления о путях экономического роста. Полагаю, Барри, Вы замечали нечто подобное. И отдельные граждане, и компании следуют призыву: «Вкладывай в Индию!»

Б. Мофта:

Значит, Индия — некое исключение? Доминик, вернемся к Вашему выступлению. Очевидно, что население остальной Азии стареет, налицо инфляция, в Китае недавно прошли народные волнения, и так далее.

Говоря же об Индии, мы рассуждаем о национальном единстве и предпринимательстве. Что же, Индия — некое исключение, и всю остальную Азию нам надо воспринимать иначе? Либо, по-Вашему, это и есть азиатская модель капитализма?

Д. Бартон:

Я считаю, что на самом деле в Азии существует несколько различных моделей капитализма. Думаю, что в Индии (и тут я согласен с другими выступавшими) предпринимательская активность высока и движет многое вперед. Но одновременно перед Индией стоит много непростых задач. Тут я полностью соглашусь с Шивом.

Я слышал цифры. Не знаю, верны ли эти данные, но в течение 15 лет в Индии необходимо будет создать порядка 320 миллионов рабочих мест! Подумайте только: мы у себя в США обеспокоены тем, что нам надо будет создать 43 миллиона рабочих мест. А в Китае есть проблема безработицы молодежи — тоже головная боль. Надо создавать рабочие места.

Я бы поспорил с утверждением, что надо многое перенять у Индии. Но хочу также упомянуть о еще одном обстоятельстве, из которого можно извлечь урок. Оно присутствует не только в Индии, но и в других азиатских странах: это стабильный, несменяемый курс правительства, работа на долгосрочную перспективу.

Я анализировал причины экономических успехов Китая. Это нескончаемая тема для дискуссий. Так вот, причина эта — в работе на долгосрочную перспективу, как мне кажется. Точно такой же подход демонстрируют Южная Корея, Сингапур, Гонконг и, с недавнего времени, Индонезия.

Это огромная разница по сравнению с западными странами, где правительства планируют максимум на два года вперед; тут упоминали про перекалывание экономических проблем на плечи последователей.

Помню, как мы работали с правительством Южной Кореи. Когда Ли стал президентом три года назад, он потребовал разработать план экономического развития страны на 60 лет вперед. Помню, я поправил его: «Вы, наверное, имели в виду *шесть* лет?» «Нет, шестьдесят!» Он сказал: «Нет, шестьдесят». Я ему возразил: «Да Вы с ума сошли! Как Вы вообще...» Он меня оборвал: «Мы предпочитаем мыслить именно такими временными категориями».

Я считаю, что множество наших проблем имеют долгосрочные последствия. Это проблемы не только сегодняшнего дня. А это уже другой разговор. Полагаю, что власти Индии сейчас планируют не на столь далекую перспективу, как раньше, и это сознательный выбор. Инфраструктура в Индии — полный кошмар, должен сказать. Полагаю, уйдет немало времени на завершение начатого. При этом будут большие сложности с эффективностью, которая в Китае была на высочайшем уровне. Может быть, это неправильно с позиций частной собственности, когда Ваш дом сноится бульдозером, но Китай построил-таки дороги!

Так что не думаю, что существует индийская модель экономического роста, однако некоторые составляющие индийского капитализма могут быть определенно заимствованы Западом. Хотелось бы, чтобы у нас в правительстве было больше дальновидных людей, которые смогли бы решить серьезные проблемы, с которыми мы сталкиваемся.

Б. Зальцберг:

Хочу добавить, Доминик, что я воспринимаю все преподанные уроки в позитивном ключе. Есть много проблем. Полагаю, Вы верно определили две проблемы, которые для нас действительно актуальны, и они касаются инфраструктуры.

В преддверии Всемирного экономического форума в Индии при помощи сравнительного анализа конкурентных преимуществ разных стран было установлено, что Индия занимает 89-е место в списке из

139 стран по уровню развития инфраструктуры. Был также составлен промежуточный рейтинг по уровню электрификации и телефонизации, в котором Индия заняла 115-е место в списке из 139 стран.

Чтобы бизнес процветал, экономика росла, а Индия была экономически сильной, с устойчивым экономическим ростом, поскольку тема сегодняшней повестки дня — устойчивость экономического развития стран Азии, нужно действительно что-то предпринять для изменения ситуации с инфраструктурой. Возможно, что это послужит добрым уроком для остальных и заставит задуматься над этой проблемой. Вполне возможно, что Китай начал инвестировать в развитие инфраструктуры раньше, чем Индия.

Б. Мофта:

Какая жалость!

А. Ритосса:

Айвен.

Б. Мофта:

Прошу Вас!

А. Ритосса:

Простите, Базил. Я собирался добавить пару слов к сказанному Домиником. Если человек живет в Азии и много времени проводит в Нью-Йорке и Лондоне, он ощущает разницу между политическими системами. Во всех этих странах — демократия, но работает она очень по-разному.

Доминик, Вы рассуждали о далекой перспективе, и были абсолютно правы. Я считаю это необходимым, но не обязательным условием. Есть пример Японии, власти которой тоже мыслят на годы вперед. Но очевидно, что Япония пережила два неудачных в экономическом

плане десятилетия, и, похоже, что очередное десятилетие будет третьим.

Я хочу коснуться еще пары вопросов. Сначала — роли государства в экономике, о чем говорил профессор Чан. Сегодня государство проявляет экономическую активность: оно озабочено ВВП, правовым регулированием экономики, развитием промышленности, развитием компаний и так далее. Получается, что правительство призвано решать экономические вопросы.

Еще один важный момент — это желание и готовность менять экономический курс, приспособливаться к меняющимся условиям или менять направление развития в том случае, если остальной мир изменился либо стало очевидно, что путь выбран неверно. Таким образом, крайне важно учитывать все три названных мной момента. Лидеры стран должны меньше думать о переизбрании — через два-четыре года, в зависимости от того, на какой срок избирается президент страны.

Ш. В. Кхемка:

Я бы хотел добавить несколько слов, если позволите. Правительство Индии и политики в целом, может быть, озабочены экономическими проблемами чуть больше, чем нужно. Возможно, они слишком много думают о следующих выборах, и одна из задач в плане...

Б. Мофта:

Позвольте мне, Айвен, ухватиться за сказанное Вами. Как насчет Австралии и Новой Зеландии? Что там? Их экономики развивались в связи с азиатскими или нет, как Вы считаете? Австралия и Новая Зеландия — это Азия?

А. Ритосса:

Хороший вопрос. Послушайте, эти страны — определенно часть Азии. Полвека назад они были частью территории Соединенного Королевства — Матери-Англии. Если же сегодня отправиться в Австралию, то мы увидим, что она стала частью Азии в плане культуры, и так далее. И экономически Австралия теперь тоже — часть Азии.

Знаете, многие ведь забыли, что меньше 10 лет назад, в 2002 году, Австралия буквально стояла на коленях. Когда повсюду был технический бум, люди повторяли: «Ваши принципы ведения хозяйства устарели. Вам нечего предложить, если говорить о новых отраслях промышленности. Ваша страна — огромная дыра, и никто больше не хочет покупать ваши товары».

Курс австралийского доллара к доллару США в то время был ниже 50 центов. Действительно, можно было покупать столько австралийской валюты, сколько хотелось, при курсе 47 американских центов за австралийский доллар. И вот настал 2011 год, и у Австралии есть то, чего жаждет каждая страна: природные ресурсы. Спрос растет, предложение падает. И уже нельзя купить много австралийской валюты: цена выросла до 1,1 доллара США за 1 австралийский доллар.

Так что экономика Австралии тесно связана с Азией, но я думаю... Я говорил об этом с коллегами по Barclays Capital. Скажу от себя лично: жаль, что никто не откладывает, так сказать, на черный день, несмотря на финансовый кризис.

Если в качестве примера взять Норвегию и проследить, как именно она поступает с фондом национального благосостояния, мы увидим, что мы так не делаем. Население Норвегии — четыре миллиона человек, а у нас — 20 миллионов. У нас редконаселенная страна, и нет фонда национального благосостояния; у нас дефицит бюджета, а вы знаете, как устроен мир: белая полоса сменяется черной, черная — белой. Когда-нибудь экономический рост Китая замедлится, и спрос на

сырье упадет. Боюсь, что мы ничего не сможем противопоставить этому.

Б. Мофта:

Через пару минут я бы хотел попросить нашу аудиторию подключиться к дискуссии. Но перед этим хотелось бы обсудить нашу последнюю тему или, если угодно, последний вопрос, который касается страны, замечательно принимавшей нас эти два дня.

Вы могли не знать об этом, но ранее велись дискуссии на следующую тему: по праву ли Россия входит в группу БРИК? Подходит ли Россия этой группе по своим параметрам? Действует ли в России та же парадигма экономического роста, что и в этих странах? Я знаю, что в России изменили часовые пояса. Помогло это или нет?

В. Войцехович:

Вчера я услышал любопытный комментарий от первого заместителя председателя Банка России, что Российская Федерация находится где-то посередине. Я согласен с этим мнением, до известной степени.

Российская Федерация, как любая другая страна с переходной рыночной экономикой, и не только члены БРИК, испытывает такие же трудности. Полагаю, что президент Медведев очень хорошо обрисовал концепцию развития пару лет назад на Красноярском экономическом форуме. В этой концепции он обозначил основные задачи Российской Федерации. Это концепция четырех «И»: институты, инвестиции, инновации и инфраструктура.

Думаю, что такого рода концепция выглядит неплохо: она подразумевает уход от сырьевой модели экономики, в которой Китай является крупнейшим покупателем российского сырья. Именно по этой причине мы так зависимы друг от друга, и потому можем пострадать, как если бы были одной страной.

Впрочем, в нескольких ключевых отраслях Россия действительно обладает определенными навыками и умениями, являющимися критически важными хотя бы для инфраструктурной части этой концепции: в тяжелом машиностроении, аэрокосмической отрасли, производстве строительных материалов. Более того, Россия еще и экспортирует продукцию этих отраслей в такие страны как Индия.

Например, возьмем ТЭК: Индия приглашает Россию для реализации своей программы ядерной энергетики. Это одна из главных сильных сторон нашей страны. Нужно лишь намного активнее выходить со своими продуктами на рынок.

То, что говорилось об остатках коммунизма, весьма справедливо, поскольку коммерциализация проектов, новых идей, инновационных подходов у нас явно хромает.

К упомянутой концепции четырех «И» я бы добавил еще одну важную составляющую, которая родилась в моей голове благодаря Индии. Это инкорпорация, или вовлечение: это модель экономического роста, при которой задействованы наименее развитые, наименее образованные, наименее кредитоспособные слои населения. Население России должно быть задействовано при осуществлении данной модели экономического роста. Эта модель также подразумевает развитие малого и среднего бизнеса, и поэтому инвестиционный климат нуждается в серьезном улучшении.

Однако все это бесполезно, если не будет преследоваться одна цель: рост производительности. Если не поднять производительность (и это, опять-таки, касается любой страны), ничего не изменится.

Б. Мофта:

Замечательная мысль, спасибо! Шив, после 20 лет жизни в России каким Вам видится ее будущее? Вы бы согласились с Владиславом или...

Ш. В. Кхемка:

Да, пожалуй, думаю, что Владислав затронул несколько важных моментов. Полагаю, что в России есть небольшая проблема, связанная с восприятием своей страны как источника природных ресурсов. Вероятно, России следует спокойно относиться к этой роли. Нет ничего плохого в том, чтобы быть поставщиком природных ресурсов: рядом Китай, рядом вся Азия с ее огромным потенциалом роста. И если Россия будет проводить верную политику, перед ней откроются отличные перспективы. Повторюсь, что России нужно спокойно отнестись к тому, что она выступает как поставщик природных ресурсов, — это во-первых.

Во-вторых, я уверен, что России следует действовать по примеру СССР, когда огромные средства вкладывались в развитие аэрокосмической отрасли, машиностроения, оборонной промышленности и невероятной системы образования, которую Советскому Союзу удалось создать. За последние два десятка лет инвестиции в эти сферы уменьшились, но, как известно, Россия старается наверстать упущенное. И это правильно: ведь русские всегда были исключительно талантливы в этих сферах. Таланты снова можно подключить к делу, благодаря таким проектам, как «Сколково». И я считаю, что эти проекты должны охватывать большие территории. Они должны запускаться по всей стране. Они должны решать долговременные задачи.

Полагаю, что в таком случае Россия вновь станет центром создания передовых технологий. Думаю, что роль России в мире могла бы заключаться в следующем: центр создания технологий и затем — поставщик природных ресурсов в азиатские, европейские и прочие страны. Эти две составляющие плюс усиление России как финансового центра Евразии и, возможно, всего мира по примеру Торонто, являющегося мировым центром по угледобыче. Россия может играть эти две роли и, кроме того, стать финансовым центром

для своего региона, подобно тому как Торонто стал центром деятельности горнодобывающих компаний. Россия вполне могла бы стать центром притяжения для сырьевых компаний и центром по оказанию финансовых услуг.

Так что если присмотреться к имеющемуся потенциалу, Россия сможет заметно повысить уровень жизни своего населения. Думаю, что настоящая угроза для России — это демографический спад. России нужно найти пути решения этой проблемы. Согласно ряду исследований, которые мне доводилось читать, к 2050 году население России сократится до 90 миллионов человек. Разные источники дают от 90 до 125 миллионов. Это очень резкое сокращение.

Б. Мофта:

Интересное дополнение, благодарю Вас! А сейчас я приглашаю наших уважаемых слушателей задавать вопросы. Поднимайте руку, и мы дадим Вам слово.

Кстати, мне все время задают много вопросов, но я предпочитаю вопросы от сидящих в зале. Давайте начнем с этой стороны.

Из зала:

Благодарю всех собравшихся! Дискуссия была весьма интересной. Здесь говорилось о финансовых и экономических аспектах экономического роста в Азии. Скажите, кто-нибудь из вас считает, что на экономический рост может влиять политическая нестабильность? Примером может послужить геополитическая ситуация, сложившаяся вокруг Пакистана и Афганистана или напряженность в отношениях между Китаем и Индией. Может ли все это сказаться на темпах экономического роста? Вызывает ли все это обеспокоенность у наших экспертов?

Б. Мофта:

Вы хотели бы, чтобы я попросил кого-нибудь ответить, или Вы хотите адресовать свой вопрос кому-то конкретно?

Из зала:

Нет, никому конкретно.

Б. Мофта:

Шив, почему бы Вам не ответить?

Ш. В. Кхемка:

Если мы говорим об Индии, я убежден, что к числу наиболее серьезных будущих рисков для Индии относятся пограничные конфликты и вопросы поддержания порядка внутри страны. Индия — большая страна. Ее население — 1,2 миллиарда человек. За последние 10 лет прирост населения составил 200 миллионов человек.

Если учесть темпы прироста населения, то необходимость поддержания порядка внутри страны и риск вооруженного конфликта с нашими соседями вызывают серьезную обеспокоенность. Государственная граница до сих пор довольно проницаема, потому что по обе ее стороны живут те же самые или близкие народы, и переходы границы учащаются. Думаю, это очень серьезная проблема.

Б. Мофта:

Доминик, как Вы оцениваете риски... Вы, кажется, описывали более радужную картину. Так вот, как Вы оцениваете подобные риски?

Д. Бартон:

Думаю, это сложный вопрос. Полагаю, что в Индии существуют не только внутривнутриполитические риски, но и риск нехватки продуктов питания — риск голодной смерти. Есть и риск борьбы за ресурсы.

Есть проблема здравоохранения: мы забыли про атипичную пневмонию и вирус гриппа H1N1. В Китае знают, что в мелких индийских городах дело обстоит так же плохо, как в Камбодже или Бангладеш. Так что рисков существует множество. Я, все же, больше оптимист, поэтому постараюсь не говорить об этом, однако существуют и весьма крупные риски.

Это, скажем, индийско-пакистанский конфликт. Кажется, не исчезли и трения между Китаем и Японией. Если спросить молодых людей, например, в Китае, что они думают об отношениях с Японией, думаю, ответ будет неполиткорректным. И такая ситуация вызывает опасения. Трения, таким образом, сохраняются, и вот почему важен общественный капитал. Вот почему важна торговля: общаясь, узнавая друг друга, люди откажутся от прежних представлений.

Что меня беспокоит особенно, так это то, что правительства обеих стран не хотят прекратить конфликт. Если настанет кризис, экономический рост прекратится. Меня беспокоит возможность ошибки. Что это такое? Американский военный корабль преследует северокорейскую рыбацкую шхуну, и раз — вооруженное столкновение.

Так что меня беспокоят ошибки, провоцирующие конфликты между странами.

Б. Мофта:

А теперь вопрос из зала с этой стороны.

Из зала:

У меня вопрос про Индию. Говорилось о том, что Индия — динамично развивающаяся страна со слабой властью, слабым государством. В какой мере, по-Вашему, плохое или чрезмерное управление со стороны государства, вмешательство бюрократии могут если не

остановить экономический рост Индии в долгосрочной перспективе, то ощутимо замедлить его?

Ш. В. Кхемка:

Полагаю, что сегодняшние темпы экономического роста Индия показывает скорее вопреки, нежели благодаря действиям руководства страны. Так что тормоз для экономического роста никуда не делся. Переформулирую Вашу мысль: можно только представить себе, каким был бы экономический рост, если бы убрали все преграды в экономической сфере.

Вот так бы я сказал. Полагаю, никто не станет спорить, что в нашей стране наблюдается дефицит управленческих кадров. Мы и впрямь как Европа: в Индии, как известно, говорят на 16 различных языках и 600 диалектах, а сама страна — настоящий плавильный котел для различных культур и религий. И управлять такой страной непросто. Думаю, Индия — одна из самых сложных для управления стран. Это одновременно серьезное испытание и вызов для амбициозного человека.

Из зала:

Эта проблема связана в основном с государственным устройством Индии, или, по-Вашему, ее корни намного глубже?

Ш. В. Кхемка:

Думаю, что демократия, которая развивалась в Индии на протяжении последних 60 лет, имеет множество сильных и слабых сторон. К сильным сторонами индийской демократии я отношу возможность для народа быть услышанным. Поэтому Индия не сойдет с намеченного курса лишь по воле кого-нибудь из ее руководителей. В ее системе государственного управления много сдержек и противовесов.

С другой стороны, возможно, ведется слишком много разговоров при недостатке твердости в экономической политике и долгосрочного планирования. Вот это главная проблема, по-моему. А демократия со временем окрепнет.

Следующая мысль касается руководства Индии. Нужно будет избрать таких людей, которые бы умели находить консенсус и встраиваться в мировую экономику, обеспечивать эффективную коммуникацию между сельским жителем и мировым сообществом.

Б. Мофта:

Когда я приезжаю в Бомбей, то не знаю, какой телеканал смотреть. Столько каналов, по которым транслируются дискуссии!

Ш. В. Кхемка:

Еще бы!

Б. Мофта:

Барри, выскажитесь по данной теме, пожалуйста.

Б. Зальцберг:

Простите! Я приведу один факт, а затем слегка отклонюсь от темы, чтобы пример стал нагляднее.

Всемирный Банк провел анкетирование по уровню коррупции среди 178 стран. Индия в этом списке заняла 87-е место. Совершенно очевидно, что Индии еще есть, что улучшить в сфере государственного управления.

Второй момент таков: в Индии нужно потратить уйму времени на то, чтобы выполнить все формальности и начать свое дело. Несмотря на мое собственное высказывание об условиях для предпринимателей, когда я говорил о рынке профессиональных услуг, сегодня, чтобы получить предпринимательскую лицензию в Индии, требуется 218

дней. Во Вьетнаме этот срок составляет 50 дней. Таким образом, Индии есть куда расти в плане создания нужных условий, и это в значительной мере зависит от властей.

Б. Мофта:

Простите, но я бы хотел перейти к вопросу. Владислав, хотите что-нибудь добавить?

В. Войцехович:

Да, я хотел бы добавить позитива. Индия занимается либерализацией множества сфер экономической жизни. Например, реформа финансового сектора после национализации банков в начале 1990-х годов до сих пор продолжается.

Иностранные банки теперь могут легко открывать филиалы в Индии. Времени это занимает много, но процедура достаточно проста и прозрачна. То же происходит в других отраслях: в производстве, розничной торговле и так далее.

Я также хотел бы подчеркнуть, что Закон о праве на информацию, который приняла Индия, с точки зрения гражданских прав — весьма действенный инструмент. Каждый гражданин вправе получить, и получает, интересующую его информацию по оказываемым государственным услугам, данные о политических деятелях и прочие.

Б. Мофта:

Спасибо! Я прошу прощения; Ваш вопрос.

Из зала:

Да! Один короткий вопрос Доминику. Если бы Вам довелось давать рекомендации Азии по поводу пяти угроз, которых следует опасаться... например, Японии. Я откровенно шокирован тем, как все обстоит в плане государственного управления. К власти пришла

Демократическая партия Японии, которая надеялась совершить 101 преобразование, но ничего так и не сделала. Это очень плохо.

Австралия: там были неплохие результаты в угольной промышленности, но австралийцы перестали заниматься угледобычей — все это весьма тревожно. Деньги они не откладывают, а ситуация в экономике не выглядит благоприятной.

При этом возьмите Индонезию: там начинали с нуля, а посмотрите, что сейчас? Молодцы! Южная Корея тоже начала с нуля, а теперь живет себе припеваючи, как Япония. Стоит побывать в Сеуле и посмотреть все самому.

Итак, пять опасностей: будь осторожна, Азия, остерегайся их! Что бы Вы назвали? Не хочется, чтобы было, как в Европе, переживающей сейчас трудности. Как бы Вы поступили?

Д. Бартон:

Сложный вопрос. Не знаю, смогу ли назвать именно пять опасностей. Может быть, с помощью коллег... Позвольте, я скажу следующим образом. Одна из опасностей исходит от государства. Уверен, что есть рациональное зерно в высказываниях про долгосрочное планирование, и есть способ помочь этому — научить людей мыслить экономически. Тут нет места для споров.

Опять-таки, встает вопрос о демократии. Представьте, что мы могли бы голосовать за поднятие или понижение ставки Федеральной резервной системой США. Мы не хотим этого. Я бы действительно постарался сделать так, чтобы хотя бы некоторые из вопросов экономического развития определялись не политиками. Возможно, это весьма наивно с моей стороны: это скорее мечта, заветное желание. Возможно, это будет связано с рисками. Однако некоторые вещи, такие как конкурентоспособность в долгосрочной перспективе, экономическая политика, сфера образования — не могут меняться каждые два года.

Возвращаясь к сказанному Барри, я соглашусь с ним. Да, Япония — печальный пример. Думаю, это произошло из-за их ужасного долгосрочного планирования. Япония меняет глав кабинета министров как перчатки, и это печально для страны с таким огромным потенциалом. Я до сих пор считаю Японию технической Меккой, если можно так сказать. Там просто не проводят необходимых изменений, и я в недоумении, сколько еще времени японцы будут терпеть такое положение вещей? Так что проблема, связанная с государственной властью, очень серьезна: необходимо учитывать перспективу.

Второй вопрос, как кто-то уже упомянул, касается вовлечения в экономический рост наименее обеспеченных и образованных слоев населения. По-моему, это весьма важно, поскольку один из рисков, который меня сильно беспокоит, — это социальное неравенство, которое становится все заметнее.

Китаю все нипочем, пока продолжается экономический рост. Помню, как я жил в Шанхае. В пяти минутах направо от моего дома был дилерский центр по продаже «Роллс-ройсов». А в пяти минутах налево от моего дома жила группа из 500 приезжих рабочих, в невероятной нищете. Я как-то спросил своих друзей, как они могут спокойно смотреть на все это. И те мне ответили: пока у нас прилив — все нормально.

Но прилив не может продолжаться постоянно: так не бывает. Поэтому я бы сосредоточился на устранении социального неравенства. И это не задача правительства. Это задача бизнеса, это наша задача, потому что если у нас не будет социальной стабильности, нам всем грозит такое, что трудно вообразить.

Полагаю, в Азии данный вопрос стоит остро. Я обобщаю, конечно, но эта проблема становится все острее. Любопытно, что об этом очень беспокоился Бамбанг Юдойоно. Он только и говорил, что об экономическом росте, в котором должны участвовать малоимущие и малограмотные.

Думаю, что у меня закончилось время... Итак, с моей стороны — вот эти два совета.

Б. Мофта:

Добавите что-нибудь, профессор Чан из Гонконга?

Кей Си Чан:

Доминик высказал несколько хороших идей.

Меня также беспокоит смена поколений. Даже не столько политика сама по себе, а тот факт, что уходит прежнее поколение, среди которого царило согласие по поводу путей экономического роста, необходимых жертв и того, что нужно оставлять государству. В некотором смысле этот подход устраивал всех.

Меня беспокоит, что мы сегодня вступаем в новую эру, приходит поколение социальных сетей, «Твиттера» и так далее. И согласие, которое мы наблюдали, может исчезнуть. А поскольку Азия и некоторые из самых богатых азиатских стран становятся более зрелыми и начинают решать новые задачи, то вот она — новая проблема, по-моему.

Б. Мофта:

Интересная мысль! А у нас еще один вопрос из зала.

Из зала:

Здравствуйте! Большое спасибо за ваше выступление. Меня зовут Амандисан, я из ЮАР.

Доминик отчасти коснулся вопроса, который я собираюсь задать. Если посмотреть на Китай и Индию, которые набирают силу в Азиатском регионе и во всем мире, эти страны также сталкиваются с серьезными проблемами на пути своего развития: бедность, социальное неравенство. У меня ощущение, что в Китае лучше осознают данную

проблему, Китай более чувствителен к ней. Его как будто преследует призрак страшной бедности и социального неравенства. Индия обладает весьма сильным нарождающимся средним классом.

Мой вопрос заключается в том, достаточно ли оперативно там реагируют на данную проблему. Существует ли реальная сила, которая бы сократила разрыв в уровне благосостояния, смогла бы что-то сделать с бедностью, оставшейся от прошлого?

И еще один вопрос — наверное, не по теме: Я прочитал любопытный доклад об экономическом росте в Индии за последние 50 лет. В нем содержался весьма любопытный вывод: одна из наиболее серьезных проблем на сегодняшний день — это проблема государственных институтов. Полвека назад, когда уровень жизни в Индии был совсем другим, чем сейчас, эти институты имели большую силу. Сегодня же Индия демонстрирует высокие темпы экономического роста, у нее есть и другие достижения, но при этом она имеет очень слабые институты. Эта картина соответствует действительности? Буду благодарен за ответ.

Б. Мофта:

Ну что же. Попробуем ответить на первый вопрос.

Айвен, если Вы не против, поясните, пожалуйста, достаточно ли в Индии прилагают усилий, чтобы укрепить средний класс? Достаточно ли много там работают в этом направлении?

А. Ритосса:

Да, я полагаю, что в целом страны Азии весьма заинтересованы в поддержке среднего класса. Как Вы сказали, Китай заинтересован в этом по причине социальной нестабильности. После волнений в арабском мире вопрос социальной стабильности вышел на передний план для всех политиков в Азии, буквально во всех странах.

Это проблема не только Китая и Индии, где до сих пор есть огромное количество бедноты, но и таких развитых стран, как Сингапур. Если проанализировать результаты выборов, прошедших месяц назад, окажется, что произошел большой сдвиг не в пользу правящей партии, которая правит с 1964 года, при том что в Сингапуре происходит экономический бум. Экономика растет более чем на 20% в год, уровень безработицы практически нулевой, и все же происходит сдвиг не в пользу правящей партии. Думаю, здесь мы подходим к тому, о чем говорил нам профессор Чан: на арену выходит новое поколение людей, которых не было в момент начала национального строительства. Они снимают сливки, выглядят слегка разжиревшими и обленившимися, их волнуют другие проблемы.

Если развить мысль Доминика, получится, что проблема сегодня не только в бедности, но и в наличии пропасти между бедными и богатыми. Это реальность. Даже в тех странах, которые живут неплохо, элита старается отстраниться от проблем остального населения.

В Сингапуре после выборов сменилось 11 министров из 14, что само по себе невероятно. Но сейчас властям приходится сосредоточиться на этой проблеме, особенно после революций в арабских странах, как мне кажется.

Б. Мофта:

Шив?

Ш. В. Кхемка:

Это имеет прямое отношение к Вашему вопросу, поскольку касается одной большой опасности, угрожающей нам в долгосрочной перспективе: на самом деле существуют две Индии. Есть одна Индия — богатая, со средним классом, демонстрирующая высокие темпы

экономического роста. А есть другая Индия — страна бедняков, никому не нужная.

Думаю, если дойдет до волнений, они будут очень крупными. Однако тот факт, что в стране существует демократия, что голоса избирателей многое решают, означает, что политики весьма заинтересованы в социальной стабильности и сознают все угрозы. Им прекрасно известно про бедность, социальное неравенство и тому подобное.

Но достаточно ли этого, чтобы отвратить беду? Думаю, нет. Думаю, что в некотором смысле это вызов всей системе. Впрочем, в Индии неправительственные организации и бизнес активно участвуют в социальных проектах. Степень этого участия очень высока по сравнению со многими странами с переходной экономикой. Полагаю, корпорации отчасти заменяют государство в сфере социальной политики.

Например, я знаю коммерческий банк ICICI (Виджай присутствует сегодня). Это одно из крупнейших финансовых учреждений в Индии. Этот банк осуществляет обширные социальные программы.

Виджай, возможно, Вы хотите сами сказать пару слов об этой деятельности?

В. Чандок:

Да, полагаю, что вопрос интересный, меня так и подмывало вскочить с места и высказаться. Отвечая на первую часть вопроса, я вернусь к недавнему высказыванию Шива.

Индия — демократическая страна. Ваше первое замечание касалось того, что политики испытывают страх и озабочены участием беднейших слоев в экономическом росте. Мой краткий ответ таков: это требует серьезной дискуссии. нужна серьезная дискуссия; в действительности же это очень серьезная проблема, которая многих волнует.

Если пообщаться с законодателями, с топ-менеджерами банков, окажется, что этот момент сейчас начинает учитываться в их стратегиях, что этим занимаются очень настойчиво.

Где же результаты? Тут я бы согласился с Шивом, который сказал, что пока еще рано. Время не пришло. Не думаю, чтобы надо было ломать жизнеспособные модели экономического роста: надо делать именно ту работу, которая сейчас проводится.

Эта работа проводится не столько правительством, сколько частными компаниями, людьми, которые хотят осуществлять социальные программы и пытаются этим заниматься по собственной инициативе.

Это разрозненные инициативы, возникающие по всей стране. И некоторые корпорации, наподобие нашей, предпринимают попытки по внедрению данной практики в больших масштабах. Каждый год мы вкладываем часть собственной прибыли в развитие инвестиций, исследовательские работы и пытаемся построить такие модели, которые впоследствии можно применить в увеличенном масштабе.

Нам довелось видеть успешные проекты в некоторых районах Индии. Опять-таки, я хотел бы подчеркнуть, что это только начало, но мы стараемся придать более сильный импульс этим процессам. Сейчас им уделяется много внимания, о них много говорят, но результаты мы увидим позже.

Вторая часть Вашего вопроса касалась институтов.

Б. Мофта:

Я прошу прощения. Я вынужден прервать Ваше выступление, чтобы дать время другим. Большое Вам спасибо.

Еще один вопрос из зала с этой стороны, и мы на сегодня завершим дискуссию.

Из зала:

Небольшой вопрос по поводу Вьетнама. Что можно сказать про него?

Б. Мофта:

Вьетнам не обсуждали? Доминик, хотите высказаться?

Д. Бартон:

Да, замечательно, нам следовало упомянуть и Вьетнам.

Сегодня там проживает, кажется, 88 миллионов человек. Половина населения при этом не достигла 29-летнего возраста. Думаю, что Вьетнам активно развивается. Многие виды производства, которыми занимались в Китае, теперь переносятся во Вьетнам. Вьетнам четко позиционирует себя как азиатский транспортный узел.

И я не согласен с тем мнением, что Вьетнам уже покончил с остатками коммунизма. Переходный процесс до сих пор продолжается. Полагаю, что сравнивать Вьетнам с Россией было бы не правильно, но уверен, что Вьетнам в будущем станет важной экономической державой. Во Вьетнаме сильно развито предпринимательство.

Б. Мофта:

Замечательный ответ! Шули?

Ху Шули:

Добавлю, что радикальные политические реформы во Вьетнаме имели самые серьезные последствия для Китая.

Б. Мофта:

Прекрасное дополнение! Большое спасибо!

Мы собрались здесь, чтобы обсудить, насколько устойчива экономика Азии. Думаю, из сказанного следует не только то, что она устойчива, но и то, что роль Азии в мировой экономике должна быть велика.

Мы рассуждали о создании новой системы государственного управления. Думаю, мы соберем несколько человек вместе для обсуждения того, как это можно реализовать на практике.

Австралия — часть Азии. Всем теперь это прекрасно известно. Китай и Россия имеют больше общего, чем можно было предположить. Индия, очевидно, привлекательное место для предпринимателей, но не следует забывать про существующие там опасности. А Гонконг и Сингапур — города, за развитием которых надо внимательно следить и размышлять над их опытом.

Я бы не хотел закончить, не упомянув про Японию. Расскажу небольшую историю про Японию, поскольку, по-моему, нельзя рассуждать об экономике Азии, забывая Японию.

Вот эта история, очень простая. Когда японцы проснулись 12 марта 2011 года, на следующий день после землетрясения, очевидно, что повсюду царил хаос, а люди пытались понять, что произошло и что теперь будет. У нас стали задавать вопросы: откроется ли фондовый рынок в понедельник? Откроется ли Токийская фондовая биржа в понедельник? Это был очень важный, критически важный вопрос для наших учреждений, инструментов и прочего.

Было множество телефонных звонков, рабочих встреч и так далее, и наконец кто-то сумел дозвониться до главы технической службы Токийской фондовой биржи и спросить: «Вы будете работать в понедельник?» Это было в субботу днем. Ответ был простым: «А почему мы не должны открыться в понедельник?»

Вот эта сила японцев и всех азиатов, связанная с их образом мыслей, — это, по-моему, и есть гарантия нашей экономической непотопляемости.

Всем большое спасибо!